

IN MEMORIAM

ГЕРМАН ГЕРМАНОВИЧ ДИЛИГЕНСКИЙ

14 июня 2002 года от нас ушел Герман Германович Дилигенский, талантливый российский ученый, многолетний глава Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», руководитель политологического семинара «Россия в условиях трансформаций», эксперт Фонда «Общественное мнение» и других научных центров и фондов.

Имя Германа Дилигенского не очень известно широкой публике: он не занимался саморекламой, не выступал с броскими заявлениями, редко появлялся на телевизионном экране, поражал не столько внешним блеском, сколько свежестью, глубиной и основательностью своих мыслей и оценок. В эпоху, когда общественные науки во всем мире становятся все более специализированными, дифференцированными, узко направленными на конкретные объекты, Дилигенский представлял собой тип ученого-мыслителя, объединявшего в одном лице историка, политолога, социопсихолога. Ему был присущ глубокий, комплексный подход к сложным явлениям, и в то же время в его построениях не было никакой схематичности, всегда присутствовали максимальная конкретность, трезвость, внимание ко всем противоречиям и хитросплетениям действительности. Отсюда тот интерес, который у всех серьезных аналитиков вызывали не только его большие работы, но и рядовые выступления, всегда заставлявшие с нетерпением ожидать, когда прозвучит его негромкое, но веское слово.

Несомненно, Герман Дилигенский – одна из знаковых фигур, олицетворяющих постепенное возрождение российских общественных наук, вхождение их уже не только в роли ученика в контекст современной мировой культуры.

Начинал он как историк древнего мира (первая его монография посвящена Северной Африке IV–V веков). Если вспомнить год окончания Германом университета (1952-й), в этом не было ничего удивительного – то была сфера, максимально свободная от официальных марксистских догм. Однако при первой возможности (в атмосфере, возникшей после XX съезда) он сделал выбор в пользу жгучей современности – социально-политических проблем стран Западной Европы. Это был выбор более богатой аналитическими возможностями и, что не менее важно, открытой, *незавершенной* реальности, оставлявшей место для исследования возможных альтернатив дальнейшего развития.

Уже первая его крупная работа, посвященная современности («Рабочий на капиталистическом предприятии: исследование по социальной психологии французского рабочего класса», 1969 г.), резко выделялась из всего массива стандартно мертвенных советских опусов, препарировавших западное общество по рецептам официального марксизма-ленинизма. Непредвзятый взгляд на исследуемые явления, уверенное освоение новейших аналитических подходов и методик, взвешенность и полнота выводов – все это сразу поставило автора книги на один уровень с лучшими зарубежными исследователями, сделало эту работу классической, методологически не устаревшей и ныне.

В ней впервые проявился политический темперамент Германа Германовича, его стремление своим анализом продвинуть вперед не только науку, но хоть немного – и общественную ситуацию в стране. Всей своей деятельностью он по мере сил противостоял заскорузлomu догматическому взгляду на окружающий мир.

Здесь самое время сказать об отношении Г. Дилигенского к марксизму. Естественно, что он начинал работать в марксистской парадигме. Но важно то, что он по существу взял из марксизма прежде всего то, что вошло в золотой фонд мировой науки: стадийность, важную

роль экономики, категорию классов. Можно сказать, что в этом ключе марксизм оказал позитивное влияние на молодого ученого, привив ему интерес к *макросоциальным* процессам и историческому развитию. И это сполна проявилось в его макроподходе к психологическим феноменам – недаром важную роль в его концепции играют категории «общественного опыта», «общественной практики».

В то же время с ранних лет ему было присуще трезвое отношение к *догмам* марксизма-ленинизма. Категорию классов, например, он понимал не как универсальную отмычку к объяснению исторических фактов, явлений, отношений, а как совокупность объективных жизненных условий и социального опыта, которая в сфере психологии может в определенном коридоре давать очень разные результаты. Поэтому он акцентировал внимание на многочисленных *опосредованиях* между объективным и субъективным.

Фактически формула «бытие определяет сознание» уже на ранних этапах его творчества во многом подвергалась корректировке. Позже он говорил, что в такой категорической формулировке она столь же неверна, что и обратная. Одним из первых в России он понял падение значения классов в общественной жизни западных стран. Несомненно, ему помог в этом именно его социально-психологический подход.

Что же реально сделал Герман Германович Дилигенский как социальный психолог? Он основал новое направление.

Известно, что в науке существуют *общая* психология, занимающаяся психологией индивида, *социальная* психология, изучающая непосредственные психологические отношения между людьми, *политическая* психология, исследующая психологию политиков и психические процессы, влияющие на политику. Но, как писал Дилигенский, «ни одна из существующих дисциплин не рассматривает макросоциальный (социэтальный) уровень психологических отношений и процессов как *особую сферу* психической жизни людей, обладающую своим системным единством и своими специфическими механизмами и закономерностями». (Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. С.7).

Герман Германович и стал фактическим основателем направления, названного им *социально-политической* (или «макросоциальной») *психологией*. Она объединила те направления и проблемы социальной психологии, которые выходят на социэтальный уровень, с проблематикой политической психологии, используя также и макросоциологию.

Социально-политическая психология взяла на вооружение категориальный аппарат и некоторые закономерности и выводы общей (индивидуальной) психологии. Это стало возможным благодаря отмеченному Дилигенским «изоморфизму» микро- и макроуровней психики. При этом Герман Германович решительно отвергал происходящее у некоторых исследователей редуцирование сложных феноменов социэтального уровня к элементарным явлениям низшего уровня (скажем, объяснение макropsихологии биогенетикой или психофизиологическими характеристиками). В своем анализе он широко и творчески использовал работы своих предшественников в разных областях психологической науки – Тарда, Лебона, Фрейда, К. Левина, Леонтьева, Выготского, Узнадзе, Московичи и других.

В отличие от других психологических направлений, социально-политическая психология, подчеркивал Дилигенский, концентрирует внимание не только на *механизмах* взаимодействия людей, но и на *содержании* (конкретно-историческом) психических образований и поведения. Задачей этой науки, по его определению, является «*познание людей одновременно как продукта и движущей силы функционирования и развития общества*» (указ. соч., с.7). Иначе говоря, *взаимодействие* психической сферы человека с конкретно-историческим обществом, с историческим развитием. Это ключевой момент в понимании социально-психологических процессов (откуда, собственно и проистекает вывод о ложности упрощенной формулы «бытие определяет сознание», как и обратной), имеющий чрезвычайно важное методологическое значение в подходе к нынешней российской действительности.

Г.Г. Дилигенский отверг естественный для марксистских психологов (впрочем, не для них одних) *когнитивистский* (познавательный) подход к психическим явлениям (психика познает мир, вырабатывает представления о нем, позволяющие ориентироваться). Такой подход, считал он, не может дать ответа на вопрос, чем обусловлено конкретное содержание представлений, убеждений, верований людей, их отношение к общественным феноменам. Он подчеркивал единство когнитивного, мотивационного, аффективного (эмоционального) аспектов психологии. Это положение известно из общей психологии, но редко применялось для объяснения макросоциальных процессов. Герман Германович особо выделял основополагающее значение мотивационной стороны (прежде всего *потребностей*).

Роль потребностей как внутреннего энергетического двигателя психики впервые подчеркнул в своем анализе З. Фрейд. Небезынтересно отношение Г. Дилигенского к фрейдизму. Фрейдизм как таковой, в котором исключительную роль играет сведение психологических процессов к влиянию либидо, детских комплексов и проч.) Герман Германович оценивал достаточно критически, но указывал при этом на огромную важность открытой Фрейдом роли подсознания как сферы проявления потребностей, источника внутренних психологических импульсов. Отсюда следует, по логике, неудовлетворительность марксистского термина «массовое сознание»: скорее можно вести речь о массовой психологии, соединяющей в себе не только осознаваемое, но и бессознательное.

Социально-политические потребности, по Дилигенскому, суть экстраполяция индивидуальных и групповых потребностей, мотиваций в макросоциальную и политическую сферу. Разумеется, это не простой и не однозначный феномен. Потребности людей проецируются в социально-политическую сферу только в том случае, если они связывают с ней удовлетворение (или неудовлетворение) этих потребностей. Здесь возникают различного рода важные психологические процессы – переноса, замещения, вытеснения и т.д. Социально-политическая потребность не сводима к сумме индивидуальных, на надличностном уровне возникает новое качество.

С учетом специфики социально-политической психологии Герман Дилигенский предложил укрупненную типологию потребностей, выделив несколько основных, принципиально различающихся групп – потребности физического существования (не только материальные, но и потребность в безопасности), потребности социального существования (статусные, потребность в позитивных межличностных отношениях, морально-этические), познавательные, деятельностные (потребность в активном отношении к окружающей среде). Различное соотношение между разными группами потребностей находится в прямой зависимости от характера наличного общества. В докапиталистических обществах, указывал Дилигенский, преобладала потребность в защите от различного рода угроз, в интеграции в социум, в современных демократических обществах актуализируется потребность в индивидуальном и социальном развитии, в обновлении.

Для Германа Германовича было характерно неоднозначное отношение к концепции А. Маслоу, выстроившего иерархию потребностей (от низших к высшим) и выдвинувшего тезис о движении людей от основания этой пирамиды, т.е. элементарных потребностей, по мере их удовлетворения, к ее вершине (самоактуализации). Р. Инглхарт, основываясь на этой концепции, доказывает, что в приоритетах населения Запада произошел качественный сдвиг – от «материалистических» ценностей к «постматериалистическим». Г. Дилигенский, признавая рациональное ядро в анализе обоих исследователей, смог показать, что все гораздо сложнее: действительно, удовлетворение более элементарных потребностей, как показывает опыт Запада, важно для актуализации потребностей более высокого порядка, но вытеснения первых вторыми не происходит: для большинства населения характерно сочетание тех и других.

Одним из понятий, введенных Дилигенским в психологическую науку, была *базовая напряженность* – конфликт между двумя базовыми потребностями социального

существования – потребностью в объединении с другими людьми и в автономии от них, в выделении из социума. Конфликт между общественной сущностью человека и подавлением индивидуальности социумом проявляется то в скрытом, латентном виде, то в более явном, являясь организующим началом всей системы потребностей социального существования, мотивационного ядра личности.

Благодаря макропсихологическому подходу Г. Дилигенский одним из первых в России смог понять серьезное изменение социально-психологической ситуации на Западе, произошедшее к концу XX в. Речь идет об ослаблении социальной конфликтности, уменьшении социальной обусловленности индивидуального сознания, развитии нового индивидуализма, связанного со стремлением к личностной автономии, и требующего в качестве своего дополнения новой социальности, связанной уже не только с определенной большой группой, но с разными большими и особенно малыми группами. Он ясно понимал влияние изменившихся механизмов формирования массовой психологии на изменение характера политики, много писал об этом.

Широта научного кругозора, ясное представление о сложности и противоречиях социально-политической психологии и политического процесса, тонкость анализа дали Герману Германовичу и глубокое понимание сущности и динамики постсоветского развития России. Эта сторона знакома участникам семинара по докладам ученого и многочисленным его выступлениям по широкому спектру проблем. Он и здесь проявил себя не только как ученый, но как мыслитель, как гражданин, как политик.

Для него был в высшей степени характерен взвешенный, лишенный какой бы то ни было односторонности подход и вместе с тем – определенность высказываний и оценок. В объяснении российских феноменов он избежал перекоса как в духе теорий стадийности, так и в духе цивилизационного подхода. Он считал характеристикой современной России переходность, но с тенденцией к закреплению свойственной переходу гибридности общества. В споре о том, «демократия или авторитаризм в России?» он опять-таки не занял односторонней позиции. Наиболее четкий его ответ – в России «демократически избираемая и сменяемая авторитарная власть». («Мировая экономика и международные отношения». 1997. №7. С.6).

Естественно, наиболее волновавший его вопрос – пути и возможности дальнейших преобразований в России в направлении демократического рыночного общества. В принципе, говорил он, есть два фактора эффективной трансформации: ресурсы институциональных структур и потенциал социальных субъектов. При несовершенстве и противоречивости институциональных структур в них есть конструктивные элементы – частная собственность, более или менее рыночные механизмы распределения, гласность, плюрализм, выборы, относительная стабильность власти и широкие полномочия высшего руководства. Но реализовать эти ресурсы необычайно сложно.

Все дело в том, что институты – это не только структуры. Герман Германович принимал естественное для основателя социально-политической психологии широкое понимание институтов – как не только структур, но прежде всего «мягкого компонента» – писанных и неписанных норм и принятых в обществе образцов поведения. Он считал, что в целом российская институциональная ситуация неблагоприятна для трансформаций (для действий *на макроуровне*).

Российская элита, считал он, которая в первую очередь должна предъявлять обществу образцы поведения, содействовать формированию социальных норм современного типа, в силу ее генезиса в основном из советской номенклатуры мало способна к этому. Г. Дилигенский критически относился не только к властвующей элите, но и к российским либеральным политикам (при том, что сам эволюционировал в 90-е гг. к современному либерализму). Он неоднократно обращал внимание на их доктринерство, невнимание к массовому общественному мнению, непонимание

важности социального содержания либеральной политики, демократии как, в конечном счете, наиболее эффективного политического механизма.

В состоянии элит он видел отражение состояния общества, определяя его как *деинституционализацию* – отсутствие единой и определенной идейно-ценностной и нормативной системы.

Он постоянно подчеркивал, что пресловутый коллективизм россиян в нынешнее время – не более чем миф. От традиционного коллективизма общинного типа, который активно эксплуатировался большевиками в первые десятилетия советской власти, остались лишь реликты в виде вербальной ценности и, может быть, потребности в активном личностном общении, свойственной, возможно, национальному характеру.

Уже позднесоветский человек, доказывал Герман Германович, несмотря на вербальный, декларативный коллективизм, в своем реальном поведении был заядлым индивидуалистом. К такого рода жизненной стратегии его принуждали объективные общественные условия последних десятилетий советской эпохи – это был, по определению Дилигенского, *адаптационный* индивидуализм, идущий вразрез с официальными коллективистскими нормами. В постсоветское время именно такое поведение для очень многих становится нормой, возникает *нормативный* индивидуализм. Если современный индивидуализм западного человека, как правило, сопряжен с сознанием социальных связей, вытекающей отсюда ответственности, уважением прав и интересов других людей, то нормативный индивидуалист – личность, лишенная того, что Фрейд называл «сверх-Я» (понимания социальных норм, социальной ответственности). Это тот самый феномен, который И. Клямкин называл «нелиберальным индивидуализмом».

Г. Дилигенский выделял три основных типа реакции людей на постсоветскую ситуацию. Это пассивное терпение (наиболее массовая реакция), активная адаптация (самый типичный пример – челноки) и, наконец, ориентация на максимальный экономический и социальный успех. При этом социальные связи устанавливаются, как правило, только между близкими людьми (родственники, друзья, хорошие знакомые). Нормативные индивидуалисты лишены способности к объединению, солидарности. Поэтому им, как и советскому человеку, присущ комплекс слабости – тем более, что в обществе существует *когнитивный вакуум*, т.е. отсутствие понятной массовым слоям населения информации о смысле происходящего, а это затрудняет для большинства рациональный выбор. Отсюда возникает соблазн искать защиты у авторитарного государства, создается «негативный политический консенсус» вокруг такой не идеологической или «доидеологической» ценности, как идея порядка.

Для Дилигенского было ясно, что авторитарный выбор в условиях России равносителен отказу от либерализации. Поэтому он уделял немалое внимание исследованию отношения россиян к демократии. На конкретном материале он показал, что демократия для большинства является условным общественным идеалом, мало связанным с отношениями и структурой власти. Его основное содержание – либо свобода, понимаемая по-русски, т.е. как ничем не ограниченная «воля», либо социальная защита, т.е. государство, оказывающее патерналистскую поддержку слабым, либо и то, и другое вместе.

Герман Германович соглашался со многими исследователями, считавшими, что слабости российского менталитета – тяжкое наследие российских архетипов, традиционной политической культуры. Но в отличие от большинства он отстаивал принципиальную *изменяемость* этой культуры, призывал отслеживать те феномены, в которых проглядывает это изменение.

Главной проблемой, которой он уделял наибольшее внимание в последние годы, была для него проблема *субъекта модернизации*. При неблагоприятной ситуации на макроуровне, утверждал он в недавних работах, решающим фактором становится *микроуровень*, уровень *индивида*, повседневная общественная практика.

В поисках такого индивида в последней крупной работе («Люди среднего класса». М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002) он обратился к зарождающемуся постсоветскому среднему классу – вернее, к его креативному меньшинству, наиболее активным и обладающим гражданственным потенциалом представителям. Разумеется, он отмечал расплывчатость границ нового российского среднего класса. Главным критерием его идентичности он считал определенный комплекс представлений о социальной реальности и месте в ней. При этом внутри него сохраняется глубокая социально-психологическая дифференциация, его представители очень разные по своему положению и жизненным позициям.

В свое время Г.Г. Дилигенский выделил три основных уровня единства больших групп: типологическое (объективное и субъективное сходство), идентификационное (осознание общности) и солидаристское (способность к объединению и совместному действию). Его исследование показало, что постсоветский средний класс находится в основном на типологическом уровне, изредка поднимается на идентификационный, и никогда – но солидаристский уровень. Это еще одно подтверждение того, что на макроуровне дело обстоит неважно.

В то же время исследование показало и то, что есть не так мало представителей среднего класса, выступающих в своей профессиональной сфере как ответственные граждане – не только адаптировавшиеся к новым условиям, но и сознающие свою социальную ответственность, выступающие с социальными инициативами (будь то целенаправленная благотворительность, или создание новых медицинских центров, или распространение нового профессионального опыта), меняющие в своем окружении социальную практику. Это изменение социальной практики, утверждал Герман Германович, – зародыш нового внутри социума. Пусть эти люди – меньшинство своего слоя, но они воплощают в себе потенциал гражданственности, являются потенциальными социальными акторами, хотя пока еще не на социетальном уровне. Г. Дилигенский полемически заявлял, что изменения в низах первичны по отношению к изменениям в верхах, что только давление снизу, со стороны новой социальной практики, может изменить позицию верхов.

Возможно, одним из направлений дальнейших исследований Германа Германовича могло стать выявление условий, при которых социальная активность креативного меньшинства перешла бы на социетальный уровень. Первые посмертные публикации Г. Дилигенского – статья «Глобализация в человеческом измерении», опубликованная в №7 журнала «Мировая экономика и международные отношения», и интервью, напечатанное в предыдущем номере, показывают, что его ум до конца дней был полон идей и замыслов, осваивал новые научные горизонты. Но смерть оборвала его напряженную творческую работу, лишив нас одного из самых светлых умов российской общественной науки.

Уход Дилигенского – чувствительная потеря не только для научного мира, но и для общественно-научной журналистики. Став пятнадцать лет назад главным редактором «Мировой экономики и международных отношений», Герман Германович резко порвал с традицией сверхосторожной перестраховки, господствовавшей там при многолетнем прежнем редакторе – Я.С. Хавинсоне. Он открыл дорогу свободной мысли, новым темам, острым дискуссиям. Сделал журнал одним из наиболее серьезных изданий широкого профиля – от российской и мировой экономики до текущей внутренней и международной политики, социологии и социальной психологии.

Возглавляя несколько десятилетий крупные коллективы политологов и социологов, он и на этом поприще тоже был вполне современен: сотрудники видели в нем не «начальство», а товарища – более опытного, авторитетного, мудрого. Его мягкий стиль руководства был намного более эффективен, чем старорежимное диктаторство. Несмотря на постоянное внутреннее напряжение, в котором его держала непреходящая семейная трагедия, он никогда не позволял себе срываться, даже в сложных ситуациях был тверд, но

лоялен и деликатен. Ему не раз случалось вызывать на себя гнев сильных мира сего, в противостоянии которому он проявлял немалое мужество.

Трудно оценить в полной мере потерю, которую понесла наша наука с уходом Германа Дилигенского. Все значение его творчества и его личности, думается, будет достойно оценено лишь со временем. Остается надежда, что посеянные им семена дадут новые всходы, что научные коллективы, которыми руководил Дилигенский, сумеют развить дальше те направления исследования, которые лишились сейчас своего самого сильного представителя.

Холодковский К.Г.